

АРХИТЕКТОР

Павлов Леонид Николаевич — Архитектор.

Но как человек, который так давно, даже на моей памяти уже сорок лет, а всего, наверное, — шестьдесят находится под восторженным и завистливым пристальным вниманием толпы других зодчих, — еще и Актер, участник спектакля советского архитектурного хеппенинга.

Ему досталась роль острого, находчивого, неделового Клоуна, которого другие всегда отпихивают и дубасят, иногда даже палкой по голове. Но он все время на арене, в лучах света его пышноволосая серебряная голова, и вспыхивают отпоровшиеся от костюма и взлетевшие блестящие и пудра.

Леонид Николаевич утверждал (выдумывал?), что он потомок ганзейского мавра (помните чернотелых с головками негров на ручках и спинках кресел, на фасадах и порталах?), утверждал, что он потомок строителя Троицкой Кремлевской башни, то ли Олевиза Фрязина, то ли Федора Коня. Или, кажется, был такой Ивашка Павлов.

Леонид Николаевич очень хорошо понимает, что такое миф, легенда, образ. В его Пантеоне лучшие учителя и друзья — иконописная школа, А. Веснин, И. Леонидов, А. Буров. В этом смысле Леонид Николаевич тщеславен.

Помню Дом творчества архитекторов «Суханово» зимой. Все ходят на лыжах. Нам, детям, передается почтение, трепет и восторг простых взрослых перед любым начальником или знаменитостью, будь то Симонов, Баранов, Шкваринов, Алабян или Власов, Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай или композитор-секретарь Хренников. Общаться с «великими» можно не всем и уж тем более не детям, а только полувеликим. Остальные взрослые — демократы. Это почти как в мире обезьян.

И вот возвращаемся мы огромной толпой разновозрастных детей и матерей под руководством какого-то «спортсмена» с большой утренней прогулки по сухановским окрестностям и встречаем медленно идущих за интеллектуальной беседой очень главного, толстоватого, похожего на Кончака А. В. Власова с великолепным гравированным ружьем, очевидно, подарком тогда еще киевского Хрущева, как говорят, его родственника по женам-сестрам (замечу, что никогда в округе не было никакой дичи, да и сезон-то — зимние школьные каникулы), и еще молодого Леонида Николаевича — тоже на лыжах, но без ружья. Рассказываем, придя в столовую, что мы видели самого Власова, да с ружьем и Ленкой Павловым. Кто-то из взрослых язвительно замечает: спрашивает: «Вместо собачки?» С тех пор я сторонюсь начальников, а Леонида Николаевича люблю и жалею, да и Власов для меня все же не столько начальник, сколько тоже любимый архитектор. И оба они были достойными партнерами и коллегами. Я всегда люблю владовскими залами и люстрами Дома архитекторов, фасадом дома на Мещанской — проспекте Мира, пилоном дома ВЦСПС и Крымским мостом.

Леонид Николаевич рассказывал, что он помогал Власову делать генплан Парка культуры и отдыха. Говорит, что придумал, предложил и покрасил все дорожки на макете красным суриком, а сам Александр Васильевич неожиданно предложил так сделать в натуре — посыпать их, дорожки, красным кирпичом. В детстве, блуждая с Юрой Шквариковым, Максимом Былинкиным, теперь уже покойными, и некоторыми другими по тем дорожкам, всегда восторженно и даже с благодарностью думал: «Кто это так оригинально придумал?»

Оказывается, это Власов с Павловым.

Обычно актеры делятся на играющих лицом, голосом или телом. Так вот Павлов — не певец, не трагик, не балерина. Павлов — Мим. Он, не боясь, а может быть, даже желая прослыть дураком (в советском смысле слова), всегда улыбается. Белоснежные, почти голубые фосфоресцирующие зубы на большом смуглом лице и восторженные светло-голубые, тоже излучающие глаза и белоснежная волнистая шевелюра-нимб. Можно ли придумать более оригинальную и редкую маску в нашей жизни.

Может показаться, что я пишу о Леониде Николаевиче с непочтением и даже с издевкой, но, видит Бог, я его люблю, и это мой герой, просто герой должен быть в описании, в вашем видении живым, красивым, но не куклой.

Я совершенно не помню, во что Леонид Николаевич одевался. Он — не денди, но лицо его всегда такое, как я описал. Ему совершенно, как мне кажется, не важны его неудачи, обеспеченные тупостью и подлостью начальства, настолько он мгновенно увлекается будущей идеей. Он всегда бежит вперед, в следующую работу и идею.

Очень рано в детстве я по ничтожным замечаниям и интонациям в доме научился отличать плохих архитекторов от хороших и замечательных не по работам. Леонид Николаевич всегда, все годы был едва ли не самым талантливым,

в первых рядах по Гамбургскому счету.

В 1947 году разглядываем с мамой проекты Пантеонов в Доме архитектора, в старой его части, в особняке, развешанные на темных деревянных панелях. Павловский куб с червонно-золотым и пурпурным с бирюзой росписным фризом. Он и мне нравится, и мама его хвалит. Я запомнил проект и то, что Павлов — очень хороший. Потом я помню, как Павлова выгнали из Архитектурного института (не как студента — как преподавателя). Тогда же, когда и Барща. Помню страхи «космополитов» — всех, кто знал что-нибудь еще, кроме серпа и молота. В группе Михаила Осиповича Барща был студенческий проект Горсовета, напоминающий маленький чикагский небоскреб, а у Леонида Николаевича Павлова один проект был на фоне золотого неба, другой — серебряного, а третий — красного (помните иконописную школу?). Но тех, кто выгонял, уже нет. Другие, такие же, есть, а тех нет, и вспомнит ли кто-нибудь еще и о них, кроме меня?

Ах, какие потом были проекты, когда я уже многое понимал. Кинотеатр на Пушкинской, на черном фоне острый козырек-балкон с ночным освещением, фреской, где огромные руки в перчатках с тонкими пальцами держали черную полумаску. От него осуществился кем-то другим тупой огрызок сегодняшнего кинотеатра «Россия». Или совершенно замечательный, самый длинный в мире дом — полуторкилометровый, с тремя, расписанными той же Лебедевой залами в длинных колоннах, такой «ардековский» дворец Советов 1957 года.

После института я с благословения родителей и Г. Я. Мовчана пошел в павловскую мастерскую. Но помощником стать не удалось, а только учеником. Мой учитель, проработавший шестьдесят лет, очень-очень сильно влиял на всех других все эти грустные годы. В каком-то смысле он выполнял всегда роль цимеса или соли во всей мучительной, постной и задавленной архитектурной нашей жизни.

Какой был проект всемирной выставки в Москве! С павильонами и транспортом по всей Москве-реке, или белый макет с миллионом гвоздей, изображающих зимний лес на более раннем конкурсе на ту же выставку, или многослойная стрела лучшего дома архитектором лучше малевичевского по одну сторону и россыпью по другую, где были клуб и детский сад, или конкурсный проект на мысок Тропарева, или проект с отдельной стоящей башней и тоже стрелой, спрямляющей низ улицы Горького и нового «Националя», когда между ними открывался вид на Ивана Великого и Успенский Собор аж от Пушкинской площади.

Один изумрудно-зеленый, конкурсный проект мне все же удалось сделать с Леонидом Николаевичем вдвоем, без других. Это — к сожалению, не получивший премию проект многоэтажного жилого дома, в 1965 году сделанный, перед самым моим прощанием с Советской архитектурой.

А вообще все проекты Леонида Николаевича были слишком хороши, остры для высших премий. Только иногда ему давали поощрительные. Ведь жюри почти всегда было как верховный совет — поднимали руки и давали своим. Жалко. Представляю Леонида Николаевича, его жизнь, его работу в Америке. Хотя, кто знает?

Но жизнь проходит, и та, которая случилась, и вспоминаемая. И остра для воспоминания о сыгранной в этой жизни роли. Роли вечного придумщика, сочинителя, отнесенного удачливыми карьеристами, но неунывающего, смуглого, как Дюма-отец или Пушкин Архитектора с мавританской кровью.

Сергей БАРХИН.

МОСКВА. 1989 г.

Р. С. Павлов умер. Я был на похоронах и поминках. На могиле взял земли и записал число. Первый раз видел его квартиру. Жил он очень просто и по-нашему. Без ампира, с несколькими же его масляными картинами — он сотрудничал с Белютиным. Были его ребята Коля и Леня, уже немолодой младший Леонидов, красавица Милешина, очень хорошо сказавший Володя Лебедев и нестарейший В. В. Калинин, и много других. Вспомнился один наш обед в ресторане Дома архитектора вместе со старым ГУЛАГовцем Мержановым, когда я, на спор, поддерживаемый ими с обеих сторон, притворившись пьяным, вынес из ресторана под пиджаком огромное блюдо, возвращенное после назидания «автором» этого ресторана Мержановым. На панихиде была и его техническая гвардия: Соня, Маша, Зоя и Валя. Помоему, все его проекты вычертили они. Я вспомнил, как Павлов нес гроб моего дедушки на некрополе кладбище, и трепетно поддержал его гроб. Он сделал надгробия своим друзьям — П. Александрову и И. Леонидову, проекты надгробий А. Власову, М. Оленову, А. Бурову.

Вот такая была компания! Москва. 1991 год.